

28 ноября 1991 В.Сиснёв, Вашингтон

К ЭТОМУ Я ГОТОВИЛСЯ ВСЮ ЖИЗНЬ

Жизнь у Дмитрий Александровича Хворостовского, слава Богу, еще вся впереди: на гастролях в Бостоне минувшим октябрем американские коллеги спели в честь его 29-летия традиционную поздравительную песенку «Хепши берсдей ту ю!». Поэтому его заявление «К этому я готовился всю жизнь» можно было бы воспринять с юмором, если не знать, что он о своей профессии говорит исключительно серьезно. Да и вообще это чисто нашенское, советское отношение – до полсотни далеко, значит, мальчишка. Здесь же, в Америке, где сколько угодно 25-летних миллионеров, смотрят не на возраст, а на то, что человек успел сделать.

Местные продюсеры снимают для Хворостовского люксы в лучших гостиницах, на репетиции и выступления его возят черные лимузины раза в полтора длиннее кремлевских. А тут это из любезности к гостю не делается. Это верный признак, что человек достиг статуса суперзвезды. И у меня на рабочем столе – кипа документов, удостоверяющих, что уроженец Красноярска, ныне проживающий постоянно в Москве, Д.А. Хворостовский, несомненно, поднялся в один ряд с наиболее высококотирующимися оперными исполнителями – на Западе, я имею в виду. Конечно, есть в мире несколько уникальных артистов – Паваротти, к примеру, – находящихся на самой вершине оперного Олимпа. Туда попадают лишь избранники с «божьей отметиной». Но как уже сказано, у сибиряка все еще впереди...

Документы, о которых я упомянул, – вырезки из итальянских, испанских, американских, канадских газет, с каждой из которых улыбается лицо Хворостовского. Это отклики мировой прессы на то, что он успел сделать на престижных зарубежных сценах за предыдущий год. Здешний маститый музыковед и оперный режиссер Фрэнк Риццо, бесспорно ставший самым главным «хворостовсковедом», прислал мне переводы с итальянских рецензий. И благодаря этому я знаю, что в партии Онегина на сцене в Венеции баритон Хворостовского звучал столь же великолепно, вызывал такие же овации, как затем в Барселоне, Нью-Йорке, Бостоне, Канзас-Сити, Майами, Торонто.

К сожалению, это все, по чему на сей раз я могу составить себе представление о его новом концертном репертуаре: выступление в вашингтонском «Кеннеди-сентер» ему пришлось отменить буквально за три часа до начала – врач обнаружил у него кровоизлияние в голосовую связку и запретил петь по крайней мере две недели. Очевидно, сказалось напряжение концерта в Торонто, состоявшегося двумя днями раньше. "Вашингтон пост" утешила 2500 обладателей билетов, что они будут действительны в марте будущего года, когда предполагается повторный приезд Хворостовского. Пресс-представитель Вашингтонского общества исполнительского искусства (это оно организует такие концерты) Нэнси Шаадт, сообщая мне об отмене, тяжело вздохнула: «Это было бы такое важное событие...

Что поделаешь, певческое счастье – тонкая нитка. Об этом и о многом другом мы успели с Дмитрием Александровичем побеседовать до его отлета в Брюссель, где ему предстояло петь. И первым делом я у него спросил: что же принес ему год, минувший после нашей предыдущей встречи, какие качественные сдвиги произошли в его певческой карьере. Он ответил так:

- Важнее всего для меня то, что я становлюсь в полном смысле оперным певцом. Я к этому готовился всю жизнь. Понимаю, что в моих словах есть определенное противоречие: я ведь уже в 22 года пел оперные партии. Но дело в том, что после этого моя карьера складывалась не всегда по моей воле, и главным образом в плане концертном. Меня часто называли «обещающим певцом». Теперь пришло время выполнять эти обещания. Это будет происходить не очень быстро, но ведь и годы мои не очень зрелые для баритона. Зрелость приходит где-то годам к 35, а пока нужно «распеваться». Я не хочу владеть каким-то грандиозным репертуаром, достаточно будет нескольких опер, чтобы утвердиться как певцу. Прежде всего «Онегин». Я люблю эту партию, она мне интересна и просто как русскому человеку. И, насколько могу судить, она у меня получается.

- *А вообще накануне своего 30-летия какие оперы вы уже готовы спеть?*

- «Севильский цирюльник», «Фаворитка», в принципе почти готовы «Пуритане», «Травиату» я знаю, «Риголетто» тоже. Можно и дальше перечислять, но это ни о чем не говорит. «Опробовано» пока еще мало.

- *Какое же кредо вы хотели бы заявить миру, поклонникам?*

- Ничего я не хочу заявлять ни миру, ни поклонникам. Просто мне хочется, чтобы те, кто следит за моим творчеством, знали: выше своей головы я прыгать не собираюсь. Но свою работу люблю, делаю ее с большой радостью, с вдохновением. Может быть, потому мне и удается в последнее время добиваться какого-то успеха.

- *Вернемся все-таки в несколько странному утверждению, что Дмитрий Хворостовский, наконец, становится оперным певцом.*

- Ничего странного тут нет. Еще раз повторяю: не все от нас зависит. А сейчас появляются новые возможности – именно оперные. Пел в Венеции «Онегина», в Барселоне – «Паяцев», записал «Сельскую честь» Масканьи для фирмы «Филипс». Очень ценно для меня, что в «Паяцах» я выступал среди певцов, для которых итальянский был родным языком. К сожалению, спел только два спектакля. Нужно было возвращаться в Москву, были обязательства дома. В Брюсселе предстояло петь в «Фаворитке» Доницетти. Вообще могу сказать, что я повзрослел и кое-что переосмыслил в своей жизни, отчетливее стал видеть себя в этом мире.

- *Мне почему-то кажется, что в этом процессе переосмысления сыграл какую-то роль московский моно-концерт «Выхожу один я на дорогу...».*

- Да, внутренне я очень недоволен этой работой, хотя опять-таки далеко не все зависело от меня. Во многом я был просто поставлен перед фактом. В будущем я постараюсь контролировать весь процесс подготовки своих программ, поскольку я должен отвечать за то, что делаю. В контракте были одни вещи, потом они в силу обстоятельств изменились, и было поздно что-то сделать. Репертуар я выбрал сам, но аранжировка оказалась совсем не такая, как я ожидал. До спектакля у меня состоялась всего одна репетиция на сцене. Так что в смысле оформления я тоже уже ничего изменить не мог. На этот спектакль я шел, как на эшафот, потому что заранее знал, что произойдет дальше. Кстати сказать, рецензия в «Независимой газете», – первая профессионально написанная рецензия, которую я когда-либо прочел о себе в советской прессе. В ней виден корень проблем, и не согласиться с автором я не мог. И хотя он поминает меня недобрым словом, я ему благодарен. Это хороший и жесткий урок на будущее. Тем более что я собираюсь участвовать в постановке концертного варианта «Севильского цирюльника». В декабре-январе будет подготовка, не знаю, когда состоится премьера. Если что-то меня не будет удовлетворять и изменить ничего не удастся, я просто откажусь. Больше я не хочу позора.

- Были за этот период другие выступления?

- Были, конечно, но это все происходило как-то так, сепаратно, никто мне не помогал, хотя и не мешал. Пел в прямом смысле дома – в Красноярске. Попрощался со своим театром, поскольку стал москвичом, выступил в Большом зале Московской консерватории – да всего и не упомнишь.

- А самая последняя запись?

- Тот же «Филипс», с которым у меня эксклюзивный пятилетний контракт, записал пластинку, на одной стороне которой – итальянский репертуар, а на другой – старинные русские романсы и песни. В том числе «Очи черные» и «Коробейники». Говорят, получилось удачно. К слову, сотрудничество с «Филипс» дало мне опыт того, что называется промышленной работой, – навыки студийного процесса, съемок для телевидения. Это мне очень пригодится в будущем вообще и, в частности, когда вскоре придется делать телешоу в Париже.

- Это ваш четвертый приезд на американский континент. Чем он будет запоминаться?

- Прежде всего концертом в Торонто, где я раньше никогда не был. Привезли мы с Михаилом Аркадьевым программу старой итальянской музыки, с которой в Америке не очень хорошо знакомы. А второе отделение – русское: Римский-Корсаков, Бородин, Рубинштейн и другие. Казалось бы, итальянская музыка должна была быть понятнее тамошней аудитории. Но как раз второе отделение наиболее восторженно приняла публика. Был настоящий успех, который меня искренне порадовал. Впрочем, в других местах русский репертуар тоже воспринимается лучше, чем итальянский. С итальянской музыкой, видимо, здесь мало знакомы.

- А на бис, как всегда, «Ноченьку» без аккомпанемента?

- Нет, теперь тоже без аккомпанемента, но – «Прощай радость». Она мне сейчас больше нравится. В ней заложена такая драматургия, которую можно творчески менять, вносить новое, свое...

- Мне придется ломать сложившийся в отношении меня стереотип. Даже многие мои коллеги считают меня концертным певцом. Я делаю шаги в ином направлении и считаю, что для оперного певца-баритона это должна быть музыка бельканто – Беллини, Доницетти и т.д. На этом голос развивается без насилия над ним, получается возможность звучать красиво. Но в принципе, это верно: опера и концертное выступление у меня будут сочетаться почти в равных пропорциях. Концерт ведь – это, может быть, истинная жизнь певца: он остается один на один с аудиторией. Но и «Пуритане» в лондонском «Ковент-Гардене» – тоже привлекательно. А запись «Травиаты» с Хосе Каррерасом и Кири те Канава – разве это не интересно? Артист не должен застревать в каком-то одном качестве, это означало бы прекращение развития его творческой индивидуальности. У меня же есть теперь возможность идти по нескольким направлениям.

- Ну что же, как говорится, дай вам Бог по каждому из них дойти до цели. Мы все, ваши «болельщики», в этом очень заинтересованы.